

Перевод аллюзий с японского на русский язык (на материале произведений Акутагавы Рюносукэ)

Яцук Ольга Молотовна

Тихоокеанский государственный университет

Ст.преподаватель

Шаламова Ольга Олеговна

Тихоокеанский государственный университет

К.п.н., доцент, декан ФВИ

Аннотация

Адекватный перевод аллюзий с японского на русский язык представляет, с одной стороны, большой интерес, с другой стороны, трудность для переводчика. Японские аллюзии обладают особой спецификой, которую переводчик не сможет понять без знания японских реалий. Присутствие большого количества аллюзий в произведениях Акутагавы Рюносукэ объясняется большим интеллектуальным багажом автора.

Ключевые слова: аллюзии, перевод, японские реалии, языковые средства.

Translation of allusions from japanese into russian (based on the works akutagava ryunosuke)

Yatsuk Olga

Pacific National University

Senior lecturer

Shalamova Olga

Pacific National University

Ph.D., Associate Prof., Dean Oriental Studies and History Department

Abstract

Appropriate and relevant translation of allusions from Japanese into Russians is very important. Allusions in Japanese have very specific context and present certain difficulty for a translator without knowing real cultural and social life in Japan. Many allusions used by Akutagawa in his books are due to the author's intellectual wealth of knowledge.

Keywords: allusions, translation, Japanese cultural life, language means.

Согласно определению японского литературного словаря, «аллюзия – это фигура речи, способная обогатить текст путем неявного упоминания известных цитат из художественных текстов, а также исторических фактов»[1, с.16]. Ключевым словом здесь является слово «обогащать», то есть

аллюзия обладает экспрессивным потенциалом, помогает создать возможности многозначной интерпретации текста, таким образом, выявляя его стилистическое богатство.

Упоминание аллюзии в тексте вносит отголосок знакомых литературных и жизненных фактов. «Привнесенное знакомое явление вызывает преобразование смысла. Во всех случаях происходит «узнавание» нового явления с помощью старого, знакомого, влияющего на эмоциональную окраску изображенного эпизода. Так, при помощи аллюзий реализуется важное свойство литературы – «сверхязыковое свойство» [2, с.5]. Другими словами, аллюзия помогает автору создать необходимый образ и дополнить его дополнительным смыслом, а читателю – понять и ощутить (при наличии фоновых знаний) мысль автора.

«В каждом конкретном случае из всего арсенала языковых средств уместным, единственно необходимым в данном контексте оказывается лишь одно, избранное средство» [3, с.148]. Эта мысль действительно подтверждает уместность выбранных известным японским литературным классиком Акутагавой Рюносукэ аллюзий. В этом можно убедиться, проанализировав приведенные в данной статье примеры из произведений автора.

В последнее время проводится много исследований, посвященных функционированию аллюзий в иностранных текстах и их переводу. Но стоит отметить, что особенности перевода аллюзий в японских текстах изучены пока недостаточно. В связи с тем, что японская литература переводится на русский язык все более интенсивно, вопрос о наличии минимальных коннотативных знаний читателя или переводчика для адекватного перевода и понимания аллюзий встает очень остро. Несомненно, адекватный перевод аллюзии представляет чрезвычайную важность для переводчика. Перевод аллюзий представляет значительные сложности в виду того, что аллюзия не всегда проста в декодировании. Специалист должен обнаружить аллюзию и перевести ее таким образом, чтобы читатель смог декодировать аллюзию.

В процессе работы над переводом встают вопросы: как не допустить неточность в переводе аллюзий? Как находить замены, совершать переводческие трансформации, чтобы язык автора не тускнел, а читатель получил удовольствие от перевода? В данной статье авторы пытаются ответить на эти вопросы и в некоторой мере помочь перевести аллюзии из текстов Акутагавы Рюносукэ. Назарова и Акбаш в своей статье о способах перевода отмечают, что «это особенно важно, когда при переводе необходимо передать культурные особенности, либо это художественное произведение, в котором образ играет большую роль. Если этот способ используется для перевода единиц, содержащих аллюзии, понятные только носителю данной культуры, необходимо дать пояснение в сносках или примечаниях, чтобы образ воспринимался и был понятен рецептору перевода» [4, с.389]

Следует заметить, что японские аллюзии обладают особой спецификой (также как и аллюзии в любом языке), отображая не только общеизвестные факты, но и литературные, исторические реалии, присущие исключительно

японской культуре, которые без должных экстралингвистических знаний переводчик вряд ли сможет понять и трансформировать.

Рассмотрим примеры аллюзивных антропонимов и способы их перевода на русский язык: *Hotoke no hikari yori kane no hikari*

*Букв. Блеск золота ярче сияния Будды
Деньги открывают все двери.*

или

*Jigoku de hotoke
Букв. Встретить Будду в аду (о неожиданном избавлении от беды)
Друг познается в беде*

Допустим, что читатель, который не является носителем японского языка, сможет декодировать эти аллюзии, так как Будда, как культурный феномен, широко известен. Но, проанализируем аллюзии, содержащиеся в составе реалии, известные исключительно узкому кругу специалистов:

*Ко:во: fude o erabazu
Букв. Для Кобо любая кисть хороша.
У плохого косаря виновата коса.*

либо

*То:ка по кики
Букв. Хризантемы 10-го числа (10 сентября – японский праздник
хризантем)
Дорога ложка к обеду*

В данном случае западному читателю невозможно декодировать эти аллюзии без фоновых знаний. Можно предположить, что Кобо - это художник, поскольку упоминается кисть.

На самом деле, Кобо дайси – это великий каллиграф раннего средневековья. Если перевести этот фразеологизм, как указано выше, то будет утеряна суть антропонимической реалии. Хотя суть будет верна: талант каллиграфа не зависит от кисти, которой он орудует.

Смысл следующей сентенции о хризантемах состоит в том, что 10 сентября в Японии праздник национального цветка – хризантемы. Западному читателю опять таки сложно расшифровать эту максиму без фоновых знаний. Как должен в этой ситуации поступить переводчик? Мы считаем, что аллюзию следует перевести так, как она представлена в оригинале, но обязательно сделать примечание переводчика с объяснением.

Увлекательный процесс нахождения истинного значения аллюзии можно рассмотреть на примерах из текстов Акутагавы Рюносукэ.

У Акутагавы есть автобиографическая повесть «Жизнь идиота», в которой автор использовал множество аллюзий. Переводчик сразу начнет работу с первой аллюзии: *Он смотрел на труп. Это ему нужно было для новеллы – той новеллы, где действие развертывалось в древние времена.* [5, с.400].

В данном случае Акутагава отсылает читателя к своему же раннему произведению «Муки ада», что является реминисценцией. Далее в тексте автор не раз упоминает некоего персонажа «учителя»: *Под большим дубом он*

читал книгу учителя. Или ..на третий месяц после встречи с учителем.[5, с.400]._ Далеко не каждый читатель – даже японский – знает, что Акутагава считал своим учителем самого читаемого в Японии писателя и мэтра японской литературы Нацумэ Сосэки (1867-1916). Поэтому переводчик считает своим долгом прибегнуть к составлению примечания для читателя. А вот следующие аллюзии понятны и знакомы неапонскому читателю:

Словно забыв о древнем греке, который упал и погиб в море, от того, что сияние солнца растопило его искусственные крылья...[6, с.99]

Об Икаре из древнегреческого мифа знает любой образованный европеец, поэтому он легко декодирует эту аллюзию.

Точно также как и следующий троп:

Он взялся за автора «Кандида», к которому был близок другой стороной – стороной холодного разума» [6, с. 112]

«Кандид» - это наиболее читаемое произведение Вольтера.

В этом же произведении есть аллюзия, которую распознать не совсем легко:

Какой-то низкорослый русский в одиночестве упорно взбирался вверх по горной тропе» [6, с. 157]

Под «низкорослым русским» автор, оказывается, подразумевал В.И. Ленина.

Следует также заметить, что Акутагава хорошо разбирался в библейских сюжетах, так как некоторые его рассказы изобилуют многочисленными аллюзиями на данную тему. Например, в рассказе «Вечный жид» само название является ссылкой на библейскую легенду, кроме того, Акутагава здесь же называет Иисуса *сыном плотника из Назарета*. В рассказе «Просвещенный супруг» герой, уличив героиню в измене, называет её Далилой ((женщина из Ветхого Завета, предавшая Самсона). Или, например, очень яркая аллюзия:

В душе этого поэта были не только Акрополь и Голгофа, в ней расцвели и розы Аравии [6, с.165]

Здесь есть историческая и библейская аллюзии: Акрополь символизирует божественность, сакральность, а Голгофа – страдания и тернистый путь. О розах Аравии можно сказать, что это символ романтичности. Все вышеупомянутые аллюзии характеризуют мятущуюся душу поэта.

В произведениях Акутагавы также встречаются аллюзии на основе японских реалий, для понимания которых иностранным читателям необходим более высокий уровень интеллектуального багажа (о чем уже упоминалось выше).

Так, в его рассказе «Ворота Расёмон» есть такая фраза : *«молодые люди в итимэгаса и момизэбоси»*. Так как это старинные японские женские и мужские головные уборы, то носитель японского языка наверняка поймет, о какой эпохе идет речь. Или фраза из этого же рассказа: *«час Тигра и час Дракона»*. А эти фразы обозначают определенное время ночи в восточных

странах. Фраза «...этого хэйанского слуги»[6, с.182] указывает на период японской истории: 794-1192 годы.

Богат аллюзиями рассказ «Муки ада», аллюзии почти на каждой странице, рассмотрим самые выразительные из них: «...сравнивают его светлость с императором Ши Хуан-ди и Ян-ди»[6, с.185] то есть автор хотел показать великодушие своего героя. Аллюзия «отдал в «сваи» своего любимого отрока» [6, с.190] - в данном случае речь идет о приношении в жертву человека, об обычае, существовавшем в древней Японии при закладке мостов. Фраза «...неся ветку сливы с письмом» означает[6,с. 192] , что по этикету древней японской аристократии письма подносились с какой-нибудь цветущей веткой.

И самая основная аллюзия этого рассказа, непосредственно связанная с трагическим сюжетом: «...появились ширмы с картиной мук ада...»[6, с.192]. Суть этой аллюзии состоит в том, что на всем протяжении истории японского искусства выдающиеся японские художники создавали картины на шелку (и на шелковых ширмах).

Проанализировав определенное количество аллюзий, мы пришли к выводу о том, что рассказы Акутагавы буквально пронизаны этими стилистическими фигурами. Мы рассмотрели лишь малую часть литературных, исторических, библейских аллюзий в его произведениях.

Огромное количество аллюзий в его произведениях объясняется тем, что сюжеты многих новелл Акутагавы развивается в далеком прошлом. Автор заимствует из древней и средневековой японской литературы фабулы и изменяет их в соответствии со своими сюжетными замыслами. Его произведения привлекательны тем, что в средневековых текстах он находит мысли и поступки, аналогичные современным. Алгоритм человеческого поведения и размышления ведь почти не изменился: пороки остались пороками, а достоинства – достоинствами. Такому талантливому писателю, как Акутагава, «многие знания» - литературные, исторические, географические и культурные - как раз помогают создавать ситуации, в которых проявляются личность, характер, выбор героев.

Многие аллюзии его произведений взяты не только из японских произведений, об этом свидетельствуют вышеуказанные примеры. Он прекрасно знает русскую, китайскую, европейскую литературу. Бессмертные «кочующие» сюжеты живут в его новеллах своей жизнью, преобразуясь в совершенно другое содержание, но при этом приобретают другое звучание.

Таким образом, можно прийти к выводу, что аллюзии в текстах Акутагавы образуют интертекстуальное поле между текстами (основным и тем, из которого взята аллюзия), т.е. происходит взаимодействие произведений, раскрывается внутренний мир двух художников. Кроме того, при помощи аллюзий развиваются различные линии в творчестве автора: тематические, сюжетные, идеологические. Бесспорно, что Акутагаве удалось передать трагическое восприятие мира человеком XX века, и этому во многом способствовали его аллюзии из разных культурных пластов.

Роль же переводчика заключается в адекватной передаче смысла аллюзий, чтобы читатель правильно понял мысль Акутагавы, проникся атмосферой текста, оценил, почему автор использовал именно эти аллюзии.

Хочется надеяться, что данное исследование увеличит число читателей этого непревзойденного мастера японского короткого рассказа, а также специалистов в области перевода японских художественных текстов, желающих заняться переводом произведений Акутагавы и других замечательных японских классиков, мало известных российскому читателю.

Библиографический список

1. Nihon bungaku jiten (Японский литературный словарь). 2008. URL: <https://kotobank.jp/word/inu-33300> (дата обращения: 13.09.17)
2. Белоножко Н.Д. Аллюзия в стилистической конвергенции // Вестник ЛГУ. 2012. № 2. С. 15-24.
3. Лим В.Н. Стилистика и культура речи корейского языка. Хабаровск. Изд-во ДВГГУ, 2008. 207 с.
4. Назарова А.А., Акбаш В.А. Способы перевода эвфемизмов с китайского на русский язык // Материалы секционных заседаний 58-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ в 2 томах (том 1). Хабаровск. 2018. С. 387-39.
5. Акутагава Р. [Akutagawa R.] Избранное: пер.с яп. М.: Художественная литература, 1971.
6. Akutagawa R. Rasyo:mon. Tokyo. Shincho:sha, 2005.